

А.В. Богатырев
Независимый исследователь (Тольятти)

БЫЛ ЛИ ЯН СОБЕСКИЙ АВТОРОМ «АУТЕНТИЧНЫХ МЕМУАРОВ»?

Недавно число источников о короле Яне III Собеском в российской полонистике пополнилось так называемыми «Аутентичными мемуарами». Воспользовавшись письмами Собеского, подлинность которых давно установлена, автор статьи приходит к выводу о более позднем происхождении анализируемого текста.

Исторический источник, проблемы подлинности, Ян Собеский, «Аутентичные мемуары», Речь Посполитая, Л.И. Ивонина, Алисия Т. Палмер, историческая беллетристика.

Технологический прогресс, совершенствование методик исследований, накопление все больших объемов информации создают благоприятную «питательную» среду для новых свершений, движения вперед. Это замечание справедливо не только по отношению к точным, естественным наукам, но и к области гуманитарного знания. Одно из последних громких событий – обнаружение секретного помещения в пирамиде Хеопса, в 2017 г. взбудоражившее интересующиеся археологией круги. Не менее многообещающе прозвучало и объявление СМИ о некоем тоннеле под гигантской Пирамидой Луны в древнем индийском городе Теотиуакан.

Открытие, о котором пойдет речь ниже, не столь эпохально по масштабам, однако также заслуживает внимания. Как часто бывает, настоящая сенсация осталась незамеченной, мы сами столкнулись с ней совершенно случайно. Это произошло в процессе чтения новейшей публикации Людмилы Ивановны Ивониной, доктора исторических наук, обещавшей практически «сорвать покровы» с польского военачальника и короля Яна Собеского (годы жизни: 1629–1696, правил как Ян III). Именно здесь мы вычитали об «Аутентичных (подлинных, достоверных) мемуарах» («Authentic Memoirs») этого славного персонажа [3, с. 1180, 1181, 1183, 1184, 1187, 1188, 1189, 1200], почему-то сохранившихся только на английском языке и изданных некой Алисией Тиндал Палмер (Alicia Tindal Palmer) [6]. Значимость их обнаружения сложно переоценить – в «Мемуарах» проясняется личное отношение Собеского к многим событиям, в том числе к Хотинской битве 1673 г. [6, р. 100, 102, 106].

Сами по себе «Мемуары» не являются чем-то из ряда вон выходящим – «дневники», воспоминания писались в XVII столетии довольно активно. Хотя больше были распространены именно «дзеники» («dyariusz», «dziennik») (среди известных – Я.Х. Пасека, С. Освенцима, Я.А. Храповицкого), а не мемуары как таковые. Понятие же «memoir/memoir» возникает в связи с польской литературой скорее XVIII в. [9, р. 14]. Дело здесь в другом – нет «Мемуаров» среди источников, использованных исследователями, писавшими о Собеском [29; 15]. Да и зачем полководцу их составлять, если после него сохранилось внуши-

тельное эпистолярное наследие [24; 19] (к которому, кстати, обращается и Л.И. Ивонина [3, с. 1180 и др.]). Размышлять над прошлым было некогда – подобные сочинения создаются, как правило, на склоне лет: в 1690-х гг., на закате жизни, Ян Собеский оказался слишком занят поглотившими Речь Посполитую неурядицами [25, р. 118; 20, р. 210]. Если же и в самом деле отыскан «мемуар» короля, то в таком случае, надо полагать, уважаемая исследовательница вписала новую страницу в биографию монарха, явив научному миру неизвестный или хорошо забытый первоисточник.

Однако при знакомстве с «Мемуарами» практически с первых же строк у нас закрались сомнения в их «аутентичности». Так, Собеский, рассказывая о своем рождении, отметил, что он появился на свет в Олеско, на Червонной Руси («Red Rus», [6, р. 1]). Действительно, такое обозначение использовалось, но сами поляки применяли его нечасто, ограничиваясь кратким «Русь» [24, р. 152; 22, р. 94]. Продолжим географическую тему: не называл Собеский в частных письмах Гданьск «Данцигом» («Dantzic») [6, р. 158, 159, 161], предпочитая «польскую» форму [24, р. 39, 42, 44, 51, 73 etc.]. В «Мемуарах» свое государство Собеский именует «Польшей» [6, р. 19, 35, 36, 58, 98, 147, 195, 211], однако привычнее ему «Ojczyzna» [24, р. 180, 181, 207, 210, 226, 317, 341 etc.]. Наконец, не мог будущий король написать о вояже с братом Марком, что они, в числе прочего, посетили Константинополь [3, с. 1182] – в grand tour не входил осмотр столицы Османской империи [11].

Настораживающими моментами изобилуют отрывки, касающиеся знакомых польскому воителю личностей, его современников. Излагая перипетии политической жизни в Речи Посполитой, Собеский называет своего, можно сказать, «патрона» Яна II Казимира – Казимиром V [6, р. 7]. Допустим, это опечатка, но тогда непонятно, как гремевшее на всю Речь Посполитую имя «Хмельницкий» Ян III мог исказить до «Кмиленски» («Kmilienski», при этом в его «листах» мелькает совершенно другое написание: «Chmielnicki» [24, р. 218]). И таких примеров множество, хотя, конечно, их наличие возможно объяснить небрежностью перевода.

Удивительно, но Собеский совершенно забыл в своих «Мемуарах» довольно близких ему людей. К примеру, в событиях 1674–1676 гг. вообще не упомянут французский дипломат и епископ Марселя Туссен Форбен-Жансон. Между прочим, есть информация – он практически постоянно находился рядом с королем, активно с ним общался, поощряя политические амбиции Собеского [4, д. 161а, л. 481 об., 514 об., 515, 529 об., 553, 756–757, 758 об., 762, 773 об.; д. 182, л. 144]. Кажется странным отсутствие имени Анджея Ольшовского, архиепископа Гнезно и коронного подканцлера, охарактеризованного современником: «Сенатор, которой в великой милости и чести у королевского величества» [4, д. 164, л. 87].

Чтобы ни одной восторженной строчки о любимой женщине – не в духе Яна III. «Марысенька», Мария Казимира (pol. *Maria Kazimiera*), любовница, а затем и супруга военачальника, в «Мемуарах» холодно называется «королевой» [6, р. 164, 165, 166 etc.], а то и вовсе «*Mały Casamira*» [6, р. 135]. Как-то не вяжется это с текстом интимных писем монарха, где практически все пропитано любовью к даме сердца, без которой «кавалер» «нос повесил». «Целую ножечки, ручечки...» [24, р. 24], – заканчивал свои многочисленные страстные послания Собеский. Конечно, после многих лет брака чувство могло и остыть, но, думается, все-же не настолько.

Сдержанность по отношению к супруге компенсируется в «Мемуарах» словоизлияниями о великом гетмане литовском Михаиле Казимире Паце, вражде с которым уделено достаточно места. Ссылаясь на текст «Мемуаров», Л.И. Ивонина цитирует документ: «Ян III охарактеризовал Паца как “военачальника, отлично разбирающегося в военных делах, но злого и капризного человека”...» [3, с. 1190; 6, р. 47]. И это приписывается Собескому, негодование которого на литовского гетмана обрело столь угрожающие масштабы, что вызвало неподдельное беспокойство: «Писали многие сенаторы... до королевского величества, хотя... укротити [его] гнев на гетмана..., склонил бы его королевское величество сердце к милосердию..., еже прежде бывало, когда Ян Казимер король гневом и войною противился с коронным гетманом полным Любомирским и с подканцлером Радиевским... в горячайшую беду и разорение и в междоусобную брань припровадил... Так же и ныне королевское величество, приемлющи себе в память тот свежей приклад, дал бы гневу своему государскому терпение и покой...» [4, д. 161а, л. 382–384]. Вряд ли Собеский мог дать приведенный Л.И. Ивониной отзыв о Паце, чье имя ассоциировал со словом «спать», которого обвинял в распространении клеветы о себе, в нежелании объединять усилия перед лицом неприятеля [24, р. 246]. Об одной из ситуаций, когда те, на кого он надеялся, «не сдвинулись с места», польский «рыцарь» отозвался так: «Чем они лучше пацевских...?» [24, р. 244].

Хотя Л.И. Ивонина приводит фрагмент с негативным «высказыванием» Яна III о правившем до него Михаиле Корибуте Вишневецком [3, с. 1188], тем не менее, удивляет наличие пожелания (даже формального) «Долгих лет королю Михаилу!», упоминание «удачи», намек на процветание [6, р. 45, 46]. Обще-

признано: Собеский был сторонником Яна Казимира, «французской» партии, а не «австрийцев», к которым тяготел Вишневецкий. Поэтому дифирамбы не совсем понятны. Бросается также в глаза некая «фамильярность», которую позволяет себе полководец по отношению к бывшему монарху. Практически всегда в письменной речи он привлекает формулу «король его милость» («*Król JMé*»), или же этикетное «господин» («пан», rap, p.) [24, р. 75, 80, 107, 109, 111, 112 etc.].

Описание избрания на трон самого Яна III описано в «Мемуарах» путаницей в датах, когда началом традиционных выборов нового монарха (элекции) был объявлен не 1673/74 год, а год 1672 [6, р. 104]. В это время Михаил Вишневецкий еще правил, Собеский находился в разъездах [24, р. 220–237]. Относительно хода самой элекции – весьма скупы указания на французские интересы будущего короля [6, р. 108, 109], имя Людовика XIV, чья рука чувствовалась в избирательных процедурах [29, р. 233], проигнорировано. Зато себя коронуемый Ян III смело называет «sovereign» [6, р. 135], что, согласно словарю Уэбстера, в переводе с английского означает наделенный «независимой» верховной властью [27, р. 257]. Видимо, воспитанный в традициях «золотой вольности» король не знал, что его влияние в Речи Посполитой ограничено многими документами и «предписаниями».

«Мемуары» рисуют Собеского-триумфатора, торжественно въезжавшего в предвыборную Варшаву [6, р. 107]. А вот о резонансных явлениях, принятых за знамения и сопровождавших избрание Яна III (см. популярную публикацию [1, с. 205]) [5, с. 174], умалчивается. Мистическое сознание было присуще людям того времени [23, р. 28; 21, р. 237], но никаких «знаков» мы здесь не видим. Конечно, монарх мог попытаться забыть зловещие предзнаменования о собственном вступлении на престол, однако к таким явлениям относились как к чему-то находящемуся над людьми и зачастую неподвластному их желаниям и прихотям. Созвучно это было и настроениям Собеского, возлагавшего многое на Высшие Силы – «Мы пришли, увидели, Бог победил!» [16, р. 124, 202].

Напротив, ничего подобного не следует из «Мемуаров» Яна III, в которых практически нет места потустороннему. И снова несовпадение с фактами, согласно которым Собеский прослыл чрезвычайно религиозным человеком [18; 2]. Стоит только взглянуть на его письма, в которых слово «Бог» попадает довольно часто [24, р. 96, 97, 98, 99, 104, 106, 108, 109, 110 etc.]. Паломничества, духовные дела с монахами (бернардинцами, камальдулами) были вписаны заглавными буквами в жизнь польского полководца [24, р. 109, 116, 257, 278, 281]. Подозрение, что текст «Мемуаров» составлялся не в XVII столетии, а в «рациональных» XVIII–XIX вв., крепнет.

Вычеркнутыми оказались и другие увлечения короля. Гастрономические слабости Собеского, большого гурмана, не нашли воплощения в строках «Мемуаров». Между тем даже походные условия не отбивали у него желания отведать фруктов, шоколада, изысканных для своего времени кушаний [24, р. 10, 22, 105, 164, 179, 245]. Да, некоторые фразы такого содержания являются кодом, но и это говорит о распо-

ложении Собеского к «кулинарной» тематике. Принимая во внимание, что любые мемуары – это текст личного характера, отражающий чаяния, интересы и устремления автора, такая скрытность, даже с учетом меняющихся со временем пристрастий, представляется подозрительной. Все эти несуразности, по видимому, Л.И. Ивонину не смутили – она уверенно распознает как автора «Мемуаров» Яна Собеского [3, с. 1182, 1190].

Прославленная ученость монарха, его увлечение науками не преданы забвению. Правда, владение несколькими языками слабо выразилось в «Мемуарах», где чрезвычайно мало примеров из латинского или французского (за некоторыми исключениями – [6, р. 175, 275]). И это несмотря на бытовавшую тогда моду сдабривать свою речь макаронизмами, крылатыми выражениями на латыни и пр. Не исключение и сам Собеский, равнодушный к французской *la culture* [24, р. 145, 146 etc.].

Естественные сомнения в авторстве «Мемуаров» пробуждает заключительная глава, в которой Ян III описывает... собственную смерть и последующую судьбу своего наследия [6, р. 272–280]. Перечислять все несуразности – нет ни времени, ни бумаги. В завершение отметим, что текст «Мемуаров» пресыщен лексемой «поляки» («Poles») [6, р. 19, 41, 66, 67, 95, 147, 148 etc.], что наводит на мысль: автор дистанцируется от данного народа, сам является представителем какого-то иного «национального» образования. «Polacy» Собеский использует, передавая речь чужестранцев или показывая их отношение к жителям Речи Посполитой [24, р. 292, 320]. Говоря о соотечественниках, он называет их по роду войск, «отделу» – «драгуны», «регименты», «хоругви», или просто «наши», «szlachta» [24, р. 46, 62, 79, 152, 256, 360], клича «по национальности» лишь иностранцев или чуждых его культуре людей [24, р. 330].

Скепсис подпитывают и биографические сведения о подготовившей издание госпоже Палмер (годы жизни: 1763–ок. 1822). Нас любезно информируют, что сочинение «Authentic Memoirs» принадлежит к жанру новеллы [10, р. 305]. Поэтому правильнее считать британскую леди не редактором [3, с. 1180], а создательницей исследуемого творения. Загадка Л.И. Ивониной, обратившей внимание на то, что повествование в «Мемуарах» по какой-то причине ведется от третьего лица [3, с. 1181], кажется, получает свое объяснение. О самой же Алисии Тиндал сообщается, что она – заслуженно известная романистка, прославившаяся такими произведениями, как, например, «Муж и любовник» [7, р. 826]. Хотя к исторической науке она имеет довольно отдаленное отношение, кое-какие подлинные исторические свидетельства ей были известны (записки Бернарда О'Коннора [6, р. 111, 140]), на что также намекает приведенный в конце труда библиографический список [6, р. 303].

Похоже, перед нами все-таки не размышления Яна Собеского, а исторический роман, принятый за источник XVII столетия – «Мемуары» называли «жизнеописаниями» короля [13, р. 151], помещали в раздел историографии [28, р. 52]. Повинуясь требованиям развлекательного жанра, они вобрали в себя до сужие сплетни, неподтвержденные авторитетными

авторами рассказы о внебрачном сыне Собеского (сложно представить, что монарх осмелился доверить подобное даже своему интимному «дневнику») [6, р. 168 etc.]. Вычислить первоисточник не составило труда: им оказался предыдущий роман госпожи Палмер – тот самый «Муж и любовник», из которого она и позаимствовала сей красочный сюжет [26, р. 161–168].

В лучших традициях беллетристики возникает на страницах «Мемуаров» и столь полюбившаяся романистам фигура «узника в железной маске» [6, р. 171], томившегося в заточении по приказу самого Людовика XIV. И невдомек, что первоначально молва «прикрывала» его лицо маской из бархата, затем с легкой руки Вольтера (как раз указанного в списке литературы к «Мемуарам» [6, р. 303]) превратившейся в металлическую (1745 г.) [12, р. 148].

Отсюда, вероятно, и не менее увлекательные истории о битве под Монтвами (13 июля 1666 г.), в поражении в которой Собеский якобы обвинял польского короля Яна Казимира. Заглянем в написанное вскоре после фиаско откровенное письмо Марысенке от 14 июля 1666 г. [24, р. 46–48] – нет ни сюжета с фекалиями, ни жалоб на польского монарха [3, с. 1187]. Зато выброшенной из «Мемуаров» оказалась так поразившая Собеского гибель разрушенного «неверными» города Подгайцы, тронувшая его настолько, что, по словам очевидцев, он пребывал в глубокой печали [4, д. 161а, л. 479–479 об.].

Неудивительно, что З. Вуйчик использовал «Мемуары» лишь с целью напомнить о дани уважения, отданной Собескому в английском парламенте (1814 г.) [29, р. 572], а исследователь образа Яна III в литературе Б. Климашевский прямо высказал претензии к заявленной «правдивости» «воспоминаний» [14, р. 112]. Как более-менее авторитетный источник о Яне Собеском «Мемуары» рассматривались в популярной энциклопедии XIX в. [17, р. 636], не побрезговал этим опусом и Теодор Жихлинский [30, р. 183]. Тем не менее, даже со всеми оговорками литературный опыт Алисии Тиндал нельзя поставить в один ряд с трудами, написанными с «глубоким знанием истории» Польского государства [8, р. 175]. Очевидно, что использовать такого рода сочинения как доподлинные свидетельства эпохи – дело неблагодарное, ведь тогда мы рискуем так и не отличить реальность от легенды.

Литература

1. Богатырев, А. В. По мистическим местам Речи Посполитой вместе с русским дипломатом XVII века / А. В. Богатырев // Север. – 2013. – № 7–8. – С. 204–207.
2. Богатырев, А. В. Кальвария: «череп», «холм», «святое место» / А. В. Богатырев. – Текст : электронный // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 58–66. – URL: <https://ras.jes.su/rusrech/s013161170003974-0-1> (дата обращения: 13.06.2019).
3. Ивонина, Л. И. Ян Собеский – легенда и реальность / Л. И. Ивонина // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2018. – Т. 63. – Вып. 4. – С. 1177–1202.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79.
5. Сибирский сборник. – Москва : Типография А. Семена, 1845. – Т. 1. – 685 с.
6. Authentic Memoirs of the Life of John Sobieski, King of Poland / Ed. by A.T. Palmer. – London : Longman and Co., [etc.], 1815. – 303 p.

7. Blain, V. *The Feminist Companion to Literature in English* / V. Blain, P. Clements, I. Grundy. – London : Batsford, 1990. – 1231 p.
8. Chojnacki, W. Krystyn Lach Szyrma. *Syn Ziemi Mazurskiej* / W. Chojnacki, J. Dąbrowski. – Olsztyn : Pojezierze, 1971. – 226 p.
9. Cieński, A. *Pamiętnikarstwo polskie XVIII wieku* / A. Cieński. – Wrocław : Ossolineum, 1981. – 218 p.
10. Garside, P. *The English Novel, 1770–1829* / P. Garside, J. Raven, R. Schöwerling. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – Vol. 2. – 753 p.
11. Gawarecki, S. *Dziennik podróży po Europie Jana i Marka Sobieskich* / S. Gawarecki. – Warszawa : Nakł. red. «Wędrowca», 1883. – 191 p.
12. Gunn, J. A. W. *Queen of the World: Opinion in the Public Life of France from the Renaissance to the Revolution* / J. A. W. Gunn. – Oxford : Oxford University Studies, 1995. – 424 p.
13. Klimaszewski, B. *Dwa angielskie życiorysy Jana III Sobieskiego* / B. Klimaszewski // *Przegląd Polonijny*. – 1977. – Z. 1. – P. 151.
14. Klimaszewski, B. *Jan III Sobieski w literaturze polskiej i zachodnioeuropejskiej XVII i XVIII w.* / B. Klimaszewski. – Kraków : Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1983. – 202 p.
15. *Król Jan III Sobieski i Rzeczpospolita w latach 1674–1683* / redaktor D. Milewski. – Warszawa : Muzeum Pałacu króla Jana III w Wilanowie, 2016. – 286 p.
16. Nagielski, M. *Venimus, vidimus, Deus vicit. Wiktoria wiedeńska 1683 roku w relacjach i dokumentach z epoki* / M. Nagielski. – Warszawa : Nowum, 1984. – 203 p.
17. *Nuova Enciclopedia Popolare Italiana...* – Torino : Dalla societa l'unione tipografico-editrice, 1865. – Vol. 21. – 783 p.
18. Pawłowski, R. *Jan III Sobieski jako czytelnik «Biblii» w świetle «Listów do Marysienki»* / R. Pawłowski // *Tematy i Konteksty*. – 2016. – No. 11. – P. 155–162.
19. *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego* / przekład F. K. Kluczycki. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1880. – T. 1. – Cz. 1. – 481 p.
20. Podhorodecki, L. *Sobiescy herbu Janina* / L. Podhorodecki. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia, 1981. – 316 p.
21. Salvandy, N.A. *Historja Jana III Sobieskiego i Królestwa Polskiego* / N. A. Salvandy. – Lwów : Instytut Stawropigiański, 1860. – T. 1. – 251 p.
22. Skorobohaty, A. D. *Dyariusz* / A. D. Skorobohaty. – Warszawa : Dig, 2000. – 184 p.
23. Smoleński, W. *Wiara w życiu społeczeństwa polskiego w epoce jezuickiej* / W. Smoleński. – Warszawa : D. Kowalewski, 1883. – 52 p.
24. Sobieski, J. *Listy do Marysienki* / J. Sobieski. – Tekst : elektroniczny. – URL: <http://biblioteka.kijowski.plsobieski%20jan%20iii/lis-ty%20do%20mar%20sie%F1ki.pdf> (Data odwołania: 13.06.2019).
25. Szujski, J. *Dzieje Polski podług ostatnich badań* / J. Szujski. – Lwów : Karol Wild, 1866. – T. IV. – Cz. II. – 752 p.
26. *The Critical Review*. – London : J. G. Barnard, 1810. – Vol. XIX. – 549 p.
27. *Webster's Handy Dictionary*. – New York ; Cincinnati ; Chicago : American Book Company, 1877. – 320 p.
28. *Wiktoria wiedeńska, 1683* / redaktor J. Jasnowski, B. Dytrych. – Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1984. – 90 p.
29. Wójcik, Z. *Jan Sobieski, 1629–1696* / Z. Wójcik. – Warszawa : PIW, 1983. – 617 p.
30. Żychliński, T. *Złota księga szlachty polskiej* / T. Żychliński. – Poznań : J. Leitgeber, 1879. – 400 p.

A.V. Bogatyrev

WAS JAN SOBIESKI THE AUTHOR OF «AUTHENTIC MEMOIRS»?

Recently, the number of sources about King Jan III Sobieski in Russian polonistics has replenished with the so-called «Authentic Memoirs». Using authentic Sobieski's letters the author of the article comes to the conclusion about the later origin of the analyzed text.

Historical source, problems of authenticity, Jan Sobieski, «Authentic memoirs», Polish-Lithuanian Commonwealth I, Ludmila I. Ivonina, Alicia T. Palmer, historical fiction.